

Ольга Танган

Жена художника

Художник Амшей Нюренберг (1887-1979) и его жена Полина Мамичева (1894-1978) прожили вместе более шестидесяти лет. Лично для меня Полина Мамичева была бабушкой, матерью моей мамы, певицы Нины Нелиной, тещей моего отца, писателя Юрия Трифонова. Супруги были тесно связаны с Одессой. Амшей окончил Одесское художественное училище, а москвичка Полина вскоре после свадьбы в 1916 г. переехала в Одессу, где тоже стала заниматься живописью. Она писала натюрморты в новом кубистском стиле и вместе с другими молодыми художниками участвовала в выставках «Общества независимых», включавшего таких впоследствии признанных мастеров, как Фраерман, Фазини, Малик, Олесевич и др. В Гражданскую войну Мамичева помогала мужу в его художественно-общественной деятельности и даже провела несколько месяцев в одесской тюрьме, куда ее заключили из-за мужа, первого одесского комиссара искусств. Именно в Одессе Нюренберги встретили начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941. Приехав накануне, они надеялись провести у друзей школьные каникулы дочери и написать морские пейзажи. Жизнь, однако, распорядилась иначе. Им пришлось срочно уехать, чтобы с группой пожилых художников эвакуироваться в Ташкент.* Последняя прижизненная персональная выставка Нюренберга 1963 г. также состоялась в Одессе. Тогда он впервые встретил журналиста газеты «Вечерняя Одесса» Евгения Голубовского.**

* О. Трифонова-Танган. Как художники пережили войну. – Журнал «Чайка», 7 января 2019 г. <https://www.chayka.org/node/9485>

** Евгений Голубовский (р. 1936) – журналист, культуролог, автор многих статей и книг, вице-президент Всемирного клуба одесситов.

Вышло так, что делом жизни Полины Мамичевой оказалось воспитание и музыкальное образование дочери, которая, став в 25 лет солисткой Большого театра, выступала как Нина Нелина. Вместе с мужем, молодым писателем Юрием Трифоновым, незадолго до этого получившим Сталинскую премию за роман «Студенты», Нелина шесть лет делила с родителями квартиру в Доме художников на Верхней Масловке в Москве. Доминирование Полины в их совместной жизни в известной степени определило и дальнейшую трагическую судьбу дочери, и последующую славу Трифонова. Лишь с годами я осознала роль Полины Мамичевой как нашего «семейного менеджера», чему и посвящается эта статья.

* * *

Отец Полины, московский купец Николай Мамичев, начал с того, что мальчиком разносил по домам фрукты. Постепенно он развернул свою торговлю и довел дело до сети фруктовых магазинов, главный из которых находился на Сретенке. Его жизнь шла циклами: сначала он работал, как одержимый, затем безудержно пил в кабаках и гулял с цыганами, потом трезвел и отправлялся в церковь замаливать грехи. От такого образа жизни он рано умер в 1914 году, как тогда говорили, от удара (инсульта).

Мать Полины Неонила Георгиевна пережила мужа на четверть века. Одна из ее внучек (и племянница Полины), Тамара Куколева, написала мне в письме 20 февраля 1999 года:

«Оля, знаешь, что я вспомнила из далекого-далекого прошлого... Вижу, как сейчас, длинную полутемную комнату с голландской печью, с небольшим оконцем (это до революции была монастырская келья).^{*} В комнате стояла массивная деревянная кровать, украшенная резьбой, старинный комод, на котором стояло довольно большое зеркало, стоял дубовый стол на очень толстых ногах, был добротный полированный сундук, шкаф, стулья с высокими спинками, с кожаными сиденьями. Нам, вну-

---

* Из моего телефонного разговора с Т. Куколевой 8 августа 1999 года: «В Москве существовало Гексехановское подворье. Там были кельи, в которых жили монашки. Бабушка Неонила – купчиха – помогала материально монашкам. Когда монашек расселили, одну из келий предоставили бабушке в пользование, там я ее в детстве и навещала».

кам, разрешалось сидеть на сундуке, а на кровати с подушками до потолка ни в коем случае сидеть не разрешалось. И мы бабушку слушались беспрекословно. Слово «нельзя» для нас очень много значило. Над столом висели два больших портрета – увеличенные фотографии бабушки и дедушки, вставленные в широкие деревянные рамы. Дедушку в живых я не застала: он умер скоропостижно в 1914 году, накануне Первой мировой войны. На этих фотографиях-портретах супруги Мамичевы выглядели очень парадно. До сих пор помню дедушкин котелок (шляпу). Я очень любила навещать бабушку, мне нравилось у нее сидеть подолгу. Это была женщина мудрая, уравновешенная, с широким жизненным кругозором, где-то и суровая. Женщина гордая, с чувством собственного достоинства. Она никогда не повышала голоса, не плакала, не жаловалась... С кем-нибудь (лишь бы не скучать) она не общалась. Строго выбирала друзей и знакомых».

Образ жизни отца пагубно отразился на здоровье его десяти детей. Некоторые из них, в том числе Полина, имели неустойчивую психику, страдали повышенной возбудимостью. Как следовало из дневника Амшея Нюренберга, уже в первые годы их брака она устраивала ему маленькие «концертики», а иногда и большие «концерты». Иногда он ласково называл ее «моя фурия».

Семья Мамичевых происходила из старообрядцев, которые отличались непризнанием авторитетов, неподчинением установленным порядкам. Все Мамичевы боролись за «правду», причем самыми причудливыми способами. На этой почве у них часто возникали конфликты. Полина была одержима идеей «справедливости» и больше всего ненавидела «предательство». Думая о бабушке Полине, мне всегда представлялся фанатичный образ старообрядки-боярыни Морозовой с картины Сурикова.

В середине 30-х годов ее сестра, красавица Зинаида Мамичева, вышла на Красную площадь с проклятиями в адрес Сталина, повинного в гибели ее единственного сына, после чего навсегда исчезла в психиатрической больнице.

– «Бывшим» ходу не давали, – жаловалась мне другая бабушкина сестра, Дина (Евдокия).

Дина тоже отличалась мамичевским нравом. Если что-то было не по ней, она рассылала многостраничные письма. Если кого-то

не жаловала, то проклинала его, после чего человек таял, как свеча. В коммунальных квартирах это только множило неприятности. Ее дочь Тамара Куколева умоляла: «Мама, молчи», «Мама, не пиши». Но не так-то просто было заставить замолчать «боярыню Морозову».

Полина, как и все дети Мамичевы, была красивой. На юных фотографиях ее нежное лицо окаймляли каштановые локоны. Позже она делала себе высокие элегантные прически. У нее были светлые, почти прозрачные голубые глаза. Летом бабушка Полина быстро загорала, и они ярко светились на потемневшем от загара лице. Из моего телефонного разговора с ее племянницей Тamarой 8 августа 1999 года:

«Полина была «куколкой». Очень синие глаза. Потом, в старости, ее глаза выцвели, стали, как у рыбы. Я только два раза в жизни видела красивые носики – один из них был у бабушки Полины».

Полина Мамичева. Одесса. 1918

Полина любила экстравагантно наряжаться. Поскольку на нервной почве на ее руках вспыхивала экзема, она и летом носила перчатки, а от солнца защищалась зонтиком. Вспомнился такой эпизод: однажды, когда бабушка была уже преклонного возраста, мы вместе ехали в московском троллейбусе. Она была в обычном для себя наряде, в перчатках и с зонтиком, и один пассажир, взглянув на нее, неожиданно воскликнул: «Какая красивая!». Зонтик бабушка любила носить повсюду. Однажды в коммунальной квартире она села под зонтиком в кухне, поскольку соседка развесила сушиться под потолком постиранные простыни, и капли падали вниз. Соседка как-то со смехом рассказала мне этот эпизод. Возможно, бабушка поступила так, чтобы та не развешивала больше свое мокрое белье на общей кухне?

Полина тяготела к театральности. Она часто заявляла: «Я – купеческая дочь!». А в старости не без вызова говорила: «Я – Пиковая дама!». Подразумевалось, что ее пророчества часто сбывались. Возможно, ее провидческие способности передались и дочери Нине. Неслучайно мой отец утверждал, что «Нина – ведьма». Многие предсказания из дневников Нины Нелиной сбывались. А когда после смерти жены Трифонов издал «московские» повести, то Алла Драгунская даже заявила:

– Это Нина диктует ему «оттуда»...

В молодости за Полиной ухаживал богатый немец, многодетный вдовец, намного старше нее. Она рассказывала мне, как он пел ей модные в те годы романсы: «Капризная, упрямая, Вы сотканы из роз. Я старше Вас, дитя мое, стыжусь своих я слез...», «Вам восемнадцать лет, у Вас своя дорога, Вы можете смеяться и шутить. А мне возврата нет, я пережил так много...». Но Полина замуж за него выйти не захотела и предпочла начинающего художника Нюренберга.

Их знакомство состоялось в 1915 году в Москве. После возвращения из Франции, где Нюренберг провел два года, он отправился в Москву навестить своего друга Виктора Мидлера.* Тогда

---

* Виктор Мидлер (1888-1979) – живописец, график и искусствовед. Вначале работал аптекарем, потом учился живописи у Нюренберга, затем в Одесском художественном училище у Ладыженского. Старший хранитель отдела живописи Третьяковской галереи. В 1928 году Мидлер был командирован А. Луначарским

Полина и Амшей Нюренберги. Прибалтика. 1960-е годы

и произошла его первая встреча с Полиной. Мидлер был знаком с бабушкиной сестрой Диной и пригласил ее в ресторан, предложив привести свою сестру: «Придет мой друг художник, он только что вернулся из Парижа». Амшей сразу попытался завоевать расположение Полины. Бабушка любила вспоминать, как Нюренберг с первого дня знакомства старался привлечь ее внимание: обмахивался французской шляпой, вставлял в речь иностранные слова, без конца рассказывал о Париже. Она над ним посмеялась, но все же ему удалось пробудить в ней интерес к себе. К тому же Нюренберг был элегантен и красив со своей копной черных кудрей и горящими глазами. В 1916 году они венчались в церкви на Сретенке, неподалеку от магазина Мамичева (мне всегда казалось, что бабушка была очень привязана к своему отцу). По требованию тещи Неонилы Амшей до женитьбы принял пра-

---

в Париж для отбора картин на выставку в Москве «Современное французское искусство». Явился одним из организаторов МОССХа (Московский областной союз советских художников).

вославие, получив при крещении второе имя – Алексей. Поэтому и моя мама при рождении была записана Нинель Алексеевной, а не Амшеевной.

При соседях по коммунальной квартире она называла мужа не Амшей, а звала: «Алексей! Иди поставь чайник». Она вспоминала, как ее дочь, которой в Большом театре порекомендовали заменить имя и фамилию Нинель Нюренберг на что-то более русское, спрашивала:

– Мама, зачем ты вышла замуж за еврея?

Полина гордилась отсутствием национальных предрубеждений и подчеркивала, что, выходя замуж, не думала ни о национальности, ни о проблемах детей на этой почве.

В юности Полина училась на модистку шляпок, а позже в Париже даже получила диплом дизайнера моды. Кроме того, она окончила московскую балетную школу и начала выступать на сцене, но карьера балерины продолжения не имела. Когда она вышла замуж за Нюренберга, то вместе с ним занялась живописью и участвовала в выставках одесского «Общества независимых», будучи в нем единственной женщиной. Сравнительно недавно обнаружили ее четыре натюрморта 1918 г. в стиле кубизма. Они принадлежали меценату Якову Перемену, который в 1919 г. вывез в Палестину на легендарном корабле «Руслан» всю коллекцию одесских модернистов. В 2006 г. под Тель-Авивом состоялась выставка «Одесские парижане»,* лучшие 86 работ которой, включая картины Мамичевой, были в апреле 2010 г. проданы на нью-йоркском аукционе «Сотбис».

После 1917 г. жизнь в стране радикально изменилась. Дед мне часто повторял:

– Полина участвовала в Революции.

То же самое он подчеркнул, подписывая мне свою книгу 1969 г. «Воспоминания, встречи, мысли об искусстве»:

«Дорогая, любимая внучка Олюся! Всегда береги эту книжку. В ней участвуют нежно и глубоко любившие и любящие тебя близкие люди: мама, которая редактировала несколько статей

---

* Одесские парижане: Произведения художников-модернистов из коллекции Якова Перемена. – Рамат-Ган, Музей русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных, 2006.

«Общество независимых». Одесса. 1918
Сидят: слева – И. Малик, В. Мидлер; справа – А. Нюренберг, П. Мамичева

рукописи, бабушка, которая участвовала в Революции, и дедушка, написавший текст и иллюстрировавший его своими работами.

Бабушка Полина и дед Амшей, Москва, 1969 год 1 октября»

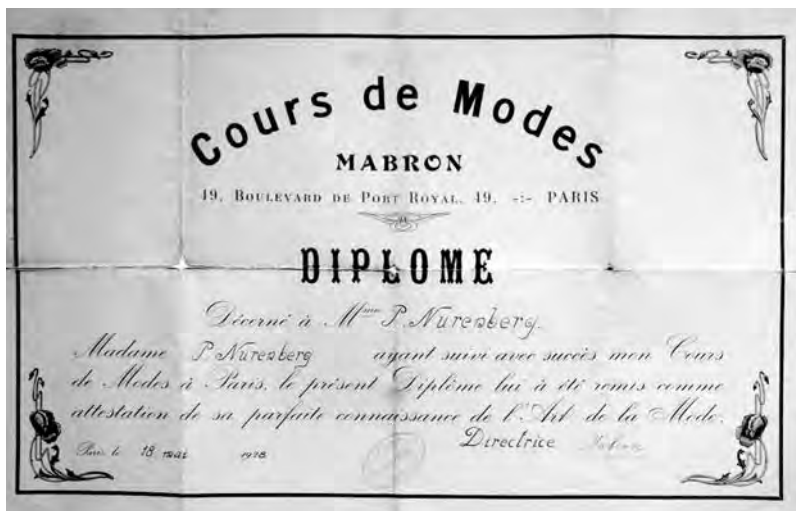
Строго говоря, Полина участвовала в первомайском оформлении Одессы в 1919 г. и организации Первой народной выставки в июне того же года. Кроме того, она помогала Нюренбергу, в том числе как председателю одесского Комитета по охране памятников искусства, «брошенных бежавшей буржуазией». Еще бабушка часто напоминала, что «сидела из-за Нюренберга в тюрьме». Участие бабушки в Революции и то, что она сидела из-за деда в тюрьме, казалось мне в детстве полным абсурдом. Лишь позже я поняла, что он имел в виду. В августе 1919 г. белые, захватив Одессу, начали преследовать евреев и красных комиссаров. Нюренберг же был и евреем, и комиссаром искусств. Ему удалось спрятаться в подвале дома своих друзей. Тогда белые схватили мою бабушку, отвели ее в контрразведку и стали допытываться, где прячется

Полина Мамичева. 1918. Одесса. Натюрморты из коллекции Якова Перемена с выставки «Одесские парижане» в Музее Цетлиных. Рамат-Ган. 2006

ее муж, «красный комиссар». Полина отвечала, что «никакой он ей не муж, что она балерина, и что у нее таких мужей много». Три месяца она просидела в общей камере, набитой до предела. Мужа она не выдала (не напрасно же она всегда ненавидела предательство!). Благодаря ходатайствам нескольких уважаемых одесситов ее в конце концов выпустили на поруки. После освобождения она поспешила уехать в Елисаветград (позже названный Кировоградом, ныне Кропивницким), где жили

Диплом об окончании курса моды, выданный Полине Мамичевой. Париж. 1928

родители, братья и сестры Нюренберга, и куда к тому времени он уже тайно перебрался. Эта история была описана Нюренбергом в его воспоминаниях.*

В 1920 году Полина Мамичева с Нюренбергом окончательно переехали в свой родной город. В Москве жили ее родственники – мать Неонила, сестры и братья. Она помогала Нюренбергу делать трафареты для плакатов в Окнах РОСТА (Российское телеграфное агентство), где он работал под руководством В. Маяковского. Сопровождала его в поездке в Среднюю Азию, куда отправили группу художников для составления реестра исторических зданий Ташкента и Самарканда. В 1923 году, после семи лет брака, у супругов Нюренбергов родилась дочь Нинель (ее рождение потом датировалось 1925 г.).

В 1927 году Нюренберг вторично отправился в Париж. Если в 1911-1913 гг. он занимался там преимущественно живописью

* А. Нюренберг. Одесса – Париж – Москва. – М.: Мосты культуры, 2010, с. 168-170; 216-220. См. также: https://www.amshey-nurenberg.com/NUERENBERG_BOOK_Ed.O.Tangian.pdf, с. 102-105, 110-111.

и перебивался случайными заработками, то на этот раз он приехал солидно: командированный наркомом просвещения А. Луначарским для чтения лекций о советском искусстве и как семейный человек – с женой Полиной и четырехлетней дочкой Нелей. Неля посещала детский садик, после которого Нюренберг забирал ее домой. А Полина уходила утром на курсы по французской моде, возвращалась к вечеру, готовила еду, после чего все вместе ужинали. Жили они тогда в Париже в 13-м округе на улице Барро.

Полина Мамичева. Париж. 1928

Красивая и хорошо танцевавшая Полина легко вписалась в парижскую богему, увлеченную балетными «Русскими сезонами» Дягилева. Встретив молодую жену Нюренберга в Париже, один из его старых друзей даже пошутил:

– Теперь мы понимаем, зачем ты возвращался на родину!

Очарованные французы называли Полину «нашей Катей», а один богатый парижанин уговаривал ее уйти к нему вместе с дочкой. Бабушка обратилась за советом к гадалке. Та ответила:

– Ваш кавалер – легкомысленный повеса. Он удовлетворит свой каприз и оставит Вас. Что Вы будете делать одна с маленьким ребенком без знания языка в чужой стране? Возвращайтесь к мужу.

Бабушка так и сделала, а дед поспешил увезти свою семью в Москву, из-за чего его второе пребывание в Париже оказалось несколько урезанным.

Поспешный отъезд из Парижа в 1929 г. не был легким решением. Луначарский, командировав туда Нюренберга, доверительно дал понять, что тот может там «задержаться». Нюренберг

сознавал, что ему был дан второй шанс, возобновил свои связи и стал участвовать в выставках. Однако начинать в сорок лет все сначала и догонять далеко продвинувшихся товарищей, таких как Шагал, Сутин или Мещанинов, ему, вполне преуспевающему на родине, показалось не вполне оправданным. К тому же его официальный статус и пропагандистская миссия не у всех вызывали симпатии. Полина же, не став к тридцати трем годам ни балериной, ни художницей, наоборот, открылась в Париже новыми перспективами. Она блистала в обществе, получила диплом для работы в индустрии высокой моды и вскружила голову богатому французу. Возвращение же в закрывающуюся от внешнего мира Советскую Россию на всех ее чаяниях ставило крест: «Она рассказывала, как возвращаясь на поезде из Парижа в Москву и увидев на перроне деревенских баб с семечками, начала плакать».*

* * *

В течение шестидесяти трех лет брака как у Полины, так и у Амшея случались любовные приключения, сведения о которых так или иначе до меня докатывались. Один раз Полина влюбилась в доктора, который ее лечил. Она несколько раз пыталась рассказать мне о нем, но каждый раз осекалась. Она начинала так:

– Он ходил к нам домой, ходил к нам домой... – но дальше недоговаривала.

Могу только реконструировать историю по отдельным деталям. В частности, среди эскизов Нюрнберга попадалась дама на раскладушке в лесу, к которой галантно склонялся доктор с русской бородой.

Дед проявлял выдержку. В повести Трифонова «Долгое прощание» есть эпизод, где старый человек, прототипом которого служил Нюрнберг, уговаривал зятя спокойнее относиться к эскападам жены, приводя себя в пример:

«– Гриша, хочу вам сказать... – заговорил вдруг старик, приближаясь тихо. – Мне все едино... вы завтра уедете, я послезавтра помру. Мне что? Ну вот, пятнадцать, не то шестнадцать лет назад

* А. Нюрнберг. Одесса – Париж – Москва. – М.: Мосты культуры, 2010, с. 19.

См. также https://www.amshey-nuremberg.com/NUERENBERG_BOOK_Ed.O.Tangian.pdf, с. XVIII.

был Валентин... – оглянувшись, продолжал шепотом: – Иванович Скобов. Старший мастер по нашему заводу. Солидный человек. Очень солидный, представительный. В кузнечном цехе. Вместе на рыбалку ездили, гостевали, то, се. И вдруг чую: у Ирины с ним какая-то хреномутия, сохнет баба, любовь, понимаете ли... Ну, не любовь, не знаю, кто ее знает, как хотите называйте. Но что характерно! Был момент, уйти, думаю. Непременно уйти. Девку забрать, уйти, куда глаза глядят...

– Так. И дальше?

– Дальше ничего. Глупость, понимаете? Глупость проходит, а жизнь-то длинная».**

Иногда дед тоже увлекался. Он рассказал моему мужу о своем романе с актрисой Верой Марецкой. По его словам, Марецкая была «чертовкой» и уговаривала: «Брось свою Полинку!». Бабушка очень страдала, даже собиралась разводиться. Ходила жаловаться к самой уравновешенной сестре Леле (Ольге Мамичевой), с которой дружила больше других. Та убедила ее не делать глупостей и набраться терпения. Возможно, время от времени у деда были и другие похождения, о которых мне просто ничего не известно. Всегда возникают вопросы, какие отношения связывают художника с его многочисленными «ню».

Бабушка устраивала деду сцены ревности и в восьмидесятилетнем возрасте, что мне казалось верхом нелепости. Однажды она приревновала мужа к симпатичной сорокалетней соседке по дому, которая приходила ему позировать. Бабушке казалось подозрительным, что дед проводил с ней много времени, а главное, в ателье Союза художников он заказал к зимнему пальто новый каракулевый воротник. В ее глазах это служило неопровержимым доказательством его увлечения. В какой-то момент Полина в отчаянии ударила его чем-то тяжелым по голове. После этого она в панике звонила мне и просила приехать. Когда я приехала, то узнала подробности. Бабушку мучили угрызения совести, она переживала, что ее удар мог оказаться слишком сильным. Сам дед лежал на кровати и театрально стонал, держась за голову. К счастью, все обошлось.

** Ю. Трифонов. Долгое прощание. В кн.: Ю. Трифонов. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978, с. 206-207.

Помню, бабушка часто повторяла:

– Я никогда не была в дедушку влюблена.

Меня удивляло как само заявление, так и то, что оно часто произносилось в присутствии деда. К моему изумлению, дед, слыша его, оставался невозмутимым. Мог продолжать что-то есть или подготавливать холсты для картин. Лишь позже я поняла, что имела в виду бабушка. Влюбленность представлялась ей временным и случайным чувством. А она любила деда и заботилась о нем постоянно.

Бабушка с дедом до конца дней нежно относились друг к другу. Он и в старости называл ее «моя девочка», а она его – «мой мальчик». Среди бумаг и писем я нередко обнаруживала их нежные обращения друг к другу. В письме 1968 года бабушка давала мне такой совет: «Нужно искать друга. Вот как мы с дедушкой. Прожили 53 года, помогая и облегчая друг другу жизнь. Тогда не страшна и старость».

Нюрнберг однажды высказал следующую мудрость, которую я постаралась вложить в голову своим детям: «Надо выходить замуж не за того, у кого прекрасные голубые глаза, а за того, кто за тобой в старости горшки будет выносить».

Расшифрую для современного читателя. Дело в том, что в студенческие годы я все время влюблялась и рассказывала бабушке с дедушкой про прекрасные голубые глаза того или иного молодого человека. Вторая часть фразы объяснялась тем, что в Доме художников на Верхней Масловке на целый этаж имелся один туалет, из-за чего жители пользовались «ночными вазами».

Из моего детского дневника: «2/1/1966 Воскресенье. Между прочим, уже начался Новый 1966 год. Я собиралась пойти на Новый год с бабушкой в Малый театр, но у нее разболелись зубы. Поэтому встречали Новый год у нас дома. Смотрела телевизор. Бабушка мне сказала, что в этот год они справляют «золотую свадьбу». Она даже заплакала,* а я тоже. Мама с папой встречали Новый год в Союзе,** и мама ничего не знала про «золотую свадьбу». Большое событие!».

---

* От себя добавлю: бабуля могла плакать как от горя, так и от радости.

** Союз – имелся в виду Союз писателей или ЦДЛ.

* * *

Вернувшись из Парижа в Москву, Нюренберг с энтузиазмом приобщился к новому жанру «социалистического реализма» и включился в создание Московского союза художников. Семья поселилась в кооперативном Доме художников № 9 на Верхней Масловке, куда Нюренберги въехали одними из первых, получив мастерскую и две комнаты в квартире с одними соседями, искусствоведом А. Тихомировым и его супругой. Мастерская располагалась отдельно от квартиры; чтобы в нее попасть, надо было пройти по длинному коридору. Трифонов, проживший там шесть лет, писал: «Дом построен в двадцатых годах конструктивистами. Предполагалось, что совместная жизнь, общая кухня, общая ванная – одна на этаж, – общая уборная должны как-то объединить людей, содействовать укреплению дружбы и солидарности. Молодые люди, когда-то въезжавшие в этот дом, давно перемерли, сгнули, постарели, а их дети мечтают уехать отсюда, потому что все, что казалось конструктивистам таким простым и ясным, оказалось чертовски сложным и неудобным».^{***}

Полина переключилась со своих дел на дочь и ее образование. Она начала возить семилетнюю Нелю на занятия фортепиано в музыкальный техникум (сейчас музыкальное училище) им. Гнесиных, добившись места в классе самой Елены Гнесиной. Техникум располагался на Собачьей площадке в арбатских переулках, поэтому Полине с дочкой надо было на трамваях пересекать весь город. По настоянию бабушки дед купил и поставил в квартире на Верхней Масловке рояль. Заметив у дочери красивый голос, Полина взялась и за ее вокальное образование. В своем дневнике Нелина писала: «За свой голос благодарю Бога и мать».^{****}

Упомянув свою наставницу в Большом театре, народную артистку СССР Валерию Барсову, она неизменно отдавала должное и матери: «Ее советы я берегла в памяти, как советы моей матери».^{****}

Нелина занималась уже и фортепиано, и вокалом. Во время эвакуации в Ташкенте 1941-1943 гг. она брала уроки

---

^{***} Ю. Трифонов. Бесконечные игры. В кн.: Ю. Трифонов. Бесконечные игры. – М.: Физкультура и спорт, 1989, с. 159.

^{****} Нина Нелина. Дневники разных лет. – Личный архив Ольги Танган.

^{*****} Там же.

Полина и Ольга (я) во дворе Дома художников на Верхней Масловке. Москва. 1955

по обеим дисциплинам у профессоров эвакуированной туда Ленинградской консерватории. После войны Нелину благодаря прекрасным вокальным и внешним данным даже без высшего музыкального образования приняли в четыре оперы – Киевскую, Львовскую, Театр им. Станиславского и, наконец, в Большой театр, где она в 25 лет успешно дебютировала в главных ролях опер «Севильский цирюльник» Россини и «Риголетто» Верди.*

---

* Л.Д. Рыбакова. Нелина. В кн.: Большой Театр России. Энциклопедия. Под ред. В.Н. Вартанова. – М., 2010.

В начале 1951 г. Нелина познакомилась с молодым, но уже знаменитым писателем Юрием Трифоновым, получившим Сталинскую премию за роман «Студенты» (1950). Они поженились, и Нюрнберги выделили молодоженам комнату в своей квартире. Галина Светлаева-Головацкая как жена друга его юности, близко знавшая Трифонова, так рассказывала мне о своем первом знакомстве с Нелиной:

«Однажды в мае 1951 года Юра пригласил на дачу в Серебряный Бор Льва Гинзбурга и моего мужа Светлаева вместе со мной. Мы приехали, ничего не подозревая. Неожиданно Юра сообщил нам, что женился. И вдруг из соседней комнаты выскочила Нина, твоя мама, такое улыбчивое, живое существо в голубом платъице в клеточку. Радостная, как ребенок. Мы удивились и обрадовались за Юру. Рядом стояла его мать – Евгения Абрамовна. Она была одета, как политкаторжанка – в некую робу и тяжелые, грубые ботинки. Бросился в глаза сильный контраст между ними. Сразу показалось, что они были слишком разными.

Чуть позже прошла моя свадьба со Светлаевым. Мы пригласили Юру с Ниной. Нина прекрасно исполнила перед гостями свой коронный номер – романс «Соловей» Алябьева».

Закрепиться на высоте литературного Олимпа у Трифонова сразу не получилось. Сталинская премия скоро иссякла. Он продал купленный на гребне успеха автомобиль «Победа» и отказался от услуг нанятого шофера, но выручки все равно хватило ненадолго. Жить он тем не менее продолжал весьма беспечно: ни в чем себе не отказывал, проводил время в Центральном доме литераторов, встречался с друзьями, ходил на футбольные матчи. Нелина же, будучи главным кормильцем в семье, разучивала роли, ходила на репетиции, выступала в театре, ездила на гастроли и при этом отвечала за домашнее хозяйство.

В доме на Верхней Масловке Трифонов терпел от тещи много унижений. Она подгоняла его, ей хотелось, чтобы молодой отец больше зарабатывал, больше времени уделял мне, своей маленькой дочке. Полина упрекала зятем тем, что тот мало времени проводил за письменным столом, а уходил из дома «пить коньяк с друзьями». Нюрнберги не понимали и не одобряли его

увлечения футболом, считая походы на стадионы бездельем, пустой тратой времени, совсем не ценя его спортивные репортажи. Они вполне искренне считали, что ему необходимо взяться за «трудовую тему», подталкивали Трифонова к путешествиям по стране для сбора материала. Но Трифонов родился в Москве и очень любил этот город. О пребывании своего альтер эго в Туркмении Трифонов писал: «Мысли его были в Москве, которую он покинул неделю назад и вернуться куда должен был не скоро. Вдруг он понял, что смертельно влюблен и что все дальнейшее путешествие будет мукой».*

Вместе с тещей на Верхней Масловке Трифонов не чувствовал себя в своей тарелке. О времени своей молодости и первого брака с Нелиной много рассказано в киноповести «Бесконечные игры». Из разговора молодых супругов:**

«– ... Я тебя провожу.

– Зачем? Ты устал, побудь дома.

– Не хочу я *быть дома*.

Сериков вдруг:

– Давай уедем.

– Куда? – Маша изумлена.

– Все равно... Хотя бы – на другую улицу»***

Трифонов часто жаловался на отсутствие фантазии. Поэтому в творчестве он весьма узнаваемо воспроизводил многих окружающих его людей. Даря матери Евгении Лурье-Трифоновой только что вышедшую книгу «Долгое прощание», он написал на титульном листе: «С любовью вручаю тебе сию многострадальную книгу, многое из которой ты знаешь по самым первым рукописям, а еще больше – из жизни»****

Трифонов как-то сказал:

---

* Ю. Трифонов. Время и место. В кн.: Ю. Трифонов. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1987, с. 411.

** В повестях Трифонова, как правило, реальные имена заменены на вымышленные.

*** Ю. Трифонов. Бесконечные игры. В кн.: Ю. Трифонов. Бесконечные игры. – М.: Физкультура и спорт, 1989, с. 210.

**** А. Шитов. Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества (1925-1981). – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 1997, с. 476.

Трифонов, Нелина, Ольга. В гостях у Нюренбергов. Москва. 1962

– Мой тесть художник Амшей Нюренберг – интересная личность. С ним было интересно разговаривать. Теща Полина – оставляла желать лучшего.

Чаще всего Трифонов описывал тещу хоть и иронично, но вполне бесстрастно. Однако иногда проступала и плохо скрываемая неприязнь. Отношения между ними особенно обострились после неожиданной смерти мамы. Хотя Трифонов уговаривал себя: «Нельзя ненавидеть женщину, родившую другую женщину, – ту, без которой нет жизни. Это невозможно, ведь они одно целое, непрерывное. Они – как дерево с ветками. Боль нельзя разделить. Хотела быть балериной и прожила жалкую, садово-огородную жизнь – ну и что же? Нельзя ненавидеть. Человек не замечает, как он превращается во что-то другое...». ****

Вероятно, ирония, с которой писал Трифонов о родителях жены, являлась мягкой формой мести им: «Она сказала затем, что

**** Ю. Трифонов. Долгое прощание. В кн.: Ю. Трифонов. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978, с. 179.

ее родители очень гордые люди. Особенно горда и самолюбива Вера Лазаревна. Дело в том, что она всю жизнь ни от кого не зависела, поэтому малейший намек на зависимость воспринимает болезненно. Дмитриев подумал: «Как же не зависела, когда она никогда не работала и жила на иждивении Ивана Васильевича?» – но вслух не сказал, а спросил, чем ущемили независимость Веры Лазаревны... Кончилось тем, что Лена заставила его пообещать, что он завтра же с работы позвонит Вере Лазаревне и мягко, деликатно, не упоминая ни о портрете, ни об обидах, пригласит в Павлиново. Они, конечно, не приедут, потому что люди очень гордые. Но позвонить нужно. Для очистки совести. Он позвонил. Они приехали на другой день...».

Он помнил даже, в каком пальто была Вера Лазаревна, когда приехала на другой день и с видом непоколебленного достоинства – гордо и самолюбиво глядя перед собой – подымалась по крыльцу, неся в правой руке коробку с тортом.*

Примечательны и парные портреты тещи и тестя: «У матери с Георгием Максимовичем всегда была замечательная синхронность. Мать высказывала суждения, а Георгий Максимович кивал подтверждающе, сопровождая кивки фразами вроде «пожалуй что так» или «боюсь, что ты права».**

«Синхронность» проявлялась и в типичной для старых людей недоверчивости. Помню забавную сцену в спектакле по пьесе «Обмен», поставленном на Таганке Юрием Любимовым: «Что ты мне дал, Иван?» – «Я тебе дал то, что ты просила». – «Ну что, что именно? Произнеси!» – «Ты просила, по-моему, дибазол». – «Ты мне дал дибазол?» – «Да. Дибазол». – «Это точно?» – «А почему ты подняла этот вопрос?» – «Ты покажи, пожалуйста, обертку, из которой ты взял, – мне почему-то кажется, что это не дибазол...»***

Вложив в музыкальное развитие Нелиной все свои силы и амбиции, Полина мечтала о ее успешной артистической ка-

---

* Ю. Трифонов. Обмен. В кн.: Ю. Трифонов. Избранные произведения в двух томах. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978, с. 43.

** Ю. Трифонов. Другая жизнь. – Там же, с. 229.

*** Ю. Трифонов. Обмен. – Там же, с. 38. Также: Обмен. Пьеса Ю. Трифонова и Ю. Любимова. В кн.: Театр писателя. – М.: Советская Россия, 1982, с. 76.

рьере. Понимая, что Трифонов совершенно не озабочен этой проблемой, да и музыку как искусство ставит невысоко, она недолюбливала его за это. В повести «Другая жизнь» приводится письмо тещи для дочери, то ли существовавшее на самом деле, то ли придуманное Трифоновым и стилизованное под манеру Полины (я склоняюсь, что он копировал оригиналы, настолько все выглядело аутентично):

«Как всегда, теща писала современной прозой, как Дос Пассос, без точек и запятых:

Дура ты дура жизнь тебя ничему не учит идиотка последняя зачем тебе это нужно? Имей в виду я возиться с ним не стану на меня не рассчитывай у меня сил нет мне отца достаточно как бы на ноги поставить ты на него ишачишь мотаешься теперь еще ребенок совсем закабалишься очень скоро постареешь превратишься в клячу как тети Женина Майка ни кожи ни рожи деточки заездили а у тебя талант но ты дура им бросаешься от детей радости нет а есть только горе и разочарование ты многого не понимаешь у тебя детское сознание он тебя эксплуатирует в хвост и в гриву сам сидит в ресторане Националь пьет и жрет за твой счет а ты работай как лошадь если бы настоящий муж тогда бы я не так переживала Николай Демьянович за тобой ухаживал но ты отказалась ради чего? Если ты не пригласишь Алексея Ивановича я не желаю тебя знать живите как хотите на нас с отцом не рассчитывайте земельную ренту налог на строение все коммунальные расходы платите половину телефон на ваш счет нам он не нужен питайтесь в столовых я готовить отказываюсь Верни мне двести сорок рублей которые я тебе одолжила на мех...»****

Трифонов назвал ее письмо «полубредом», но был обеспокоен упоминанием соперника, некоего «Николая Демьяновича». Отец вообще был очень ревнивым, хотя всегда это тщательно скрывал.

В письме узнается типично бабушкино утверждение, что отец «эксплуатировал» маму, «заставляя ее много работать, ездить на ночные концерты». Это было, конечно, тенденциозно, но мама

**** Ю. Трифонов. Долгое прощание. Там же, с. 205-206.

действительно часто отвлекаясь на побочные дела и заработки, что приводило бабушку в отчаяние. Из письма следует, что дочь (Неля) собиралась завести ребенка (меня), против чего мать (Полина) бурно возражала. Во-первых, она считала, что зять недостаточно окреп материально. Во-вторых, она надеялась, что дочь расстанется с мужем и найдет себе кого-то, на ее взгляд, более подходящего. В-третьих, ей казалось, что ребенок помешает артистической карьере дочери. Короче, мать требовала, чтобы дочь сделала аборт – пригласила на дом гинеколога «Алексея Ивановича» (тогда аборт были запрещены, и их делали на дому тайно). Стоит ли уточнять, что спор шел о моем рождении?

Окончание следует

